

**КИРИЛЛ ШАРАПОВ**

**МЁРТВЫЙ МИР.  
ПОСЕЛЕНЕЦ**

Москва  
Издательство АСТ

УДК 821.161.1  
ББК 84(2Рос=Рус)6  
Ш25

Серия «Граница»

Художник обложки *Владимир Гурков*

**Шарапов, Кирилл Юрьевич**  
Ш25 Мёртвый мир. Поселенец / Кирилл Шарапов.— Москва:  
Издательство АСТ, 2016.— 346, [1] с.— (Граница).

ISBN 978-5-17-096079-8

Вилен Ульянов — начальник охраны секретного института, в котором создали ворота для перехода в другой мир. Вилен первый испытал переход и выяснил, что обратной дороги нет. Он оказался в зеркальном мире, пережившем глобальную войну: мёртвые города, животные-мутанты и люди, потерявшие за тридцать лет остатки разума. Вилен отправляется в свой родной город, чтобы встретить своего двойника. Тем временем в его мире власти решают отправлять в «Зазеркалье» опасных и просто неугодных им людей. Помимо преступников сюда приходят искатели приключений. В мёртвом мире пост-апокалипсиса начинается жизнь.

Подписано в печать 03.03.16.

Формат 84 × 108 1/32. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции  
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Кирилл Шарапов, 2016  
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Моей жене Елене — той, что всегда рядом*

Нет никакой вероятности, что всё сущее будет существовать вечно. Могущественные цивилизации обратились в пыль, оставив после себя с десяток древних памятников и неясные записи. Так и мы когда-нибудь канем в небытие, и мародёры, гордо зовущие себя археологами, будут бродить по разрушающимся городам, заросшим травой и деревьями. А может, и не будут, поскольку бродить по ядерной помойке даже в костюмах с наивысшей защитой нецелесообразно. Но человечество ищет новые горизонты. Отчаянные одиночки совершают прорывы, пытаясь приоткрыть дверь для миллионов. Так изобрели Интернет: делали для себя, а вышло — для всех. Так появились самолёт и электричество. И именно так один физик открыл проход в другой мир...

## Глава первая

### РАЗВЕДЧИК

— Что там, Валера?

— Я не знаю,— растерянно поправляя роговые очки, ответил щуплый, невысокого роста мужчина с внешностью «ботаника».— Это — «дверь», точно, но, куда она ведёт, и что там тебя ждёт... даже не представляю.

Мужчина, стоявший напротив небольшой энергетической арки, скривился. «Пойди туда, не знаю куда». Напряжение ещё не подали. Да, затраты на этот канал были гигантские: для того чтобы «дверь» (или врата, как это называлось в официальных документах) работала один час, требуется столько же энергии, сколько на освещение Москвы в течение десяти часов.

— Мы туда забросили небольшой исследовательский дроид, видеосигнал устойчивый, но многого снять не смогли. Знаем, что атмосфера пригодна для дыхания и врата открываются в лесу. А потом дроид атаковало что-то стремительное, и сигнал был потерян.

Вилен Ульянов, которого из-за имени и фамилии все звали просто — Ильич, поморщился. Всё как обычно. Дали автомат и отправили вперед, ничего толком не объяснив. Иди и сдохни. Вилен поправил свисающий с плеча новенький, только что из смазки АЕК-973С под калибр 7,62. При первоначальной разработке оружия сделали стандартный магазин на тридцать патронов, но потом подумали и добавили ещё пару вариантов на сорок пять, и, совсем уж для извращенцев — на заказ изготавливались семидесятизарядные «банки». Вилен оказался именно таким извращенцем. Одна «банка» в автомате и четыре в специальной разгрузке. АЕК был собран по очень популярной ныне схеме сбалансированной автоматики, что давало минимальную отдачу, великолепную кучность, возможность установки оптики и подствольного гранатомёта, которые пока лежали в рюкзаке. Сейчас на оружии стоял коллиматорный прицел. В рюкзаке, помимо снаряги к автомату, были аккуратно уложены моток веревки, два литра воды, аптечка, маленькая сапёрная лопатка, три суточных рациона, мачете и охотничий нож. Вот и весь набор исследователя Нового Мира.

— Ну что, Вилен, готов? — спросил «ботан».

Вилен отрицательно покачал головой.

— Тогда начали, — улыбнулся Валера и громко крикнул: — Ваня, давай!

По контурам «двери» прошла небольшая вибрация, и всё медленно затянуло плёнкой, очень похожей на ту, что бывает, когда надувают мыльные пузыри. Она переливалась всеми цветами радуги, притягивая взгляд.

— Пошёл, — заорал на Вилену Рябов, — или тебе пинка наладить для ускорения?

Вилен шагнул вперёд, дыхание на мгновение спёрло, сердце замерло, пропустив пару ударов, секунда и... Нет никакой лаборатории. Обычный лес, высокая трава, гигантские сосны и кедры.

Рефлекс сработал сам по себе: Вилен вскинул автомат, лязгнув затвор, досылая патрон. Чутьё солдата подсказывало, что вокруг ничего опасного нет, вот только это чутьё было настроено на обычный мир и на обычную войну с обычным противником.

Вилен несколько минут вслушивался в тишину леса. Тот жил своей жизнью, где-то в вышине пели птицы, в траве стрекотала какая-то насекомая мелочь.

Ильич отцепил от пояса небольшой штырь с конусом на конце и с силой воткнул его в землю. Внешне это устройство здорово напоминало китайскую петарду, вот только стоило оно как вагон петард, а то и — как эшелон. Якорь возвращения — то, без чего он никогда не вернётся домой. Якорь несколько раз моргнул светодиодом, сообщая, что включился и работает, и «уснул» до того момента, как откроются врата.

Вилен достал планшет и сверился с системой поиска. Отметил первую точку. Огляделся ещё раз. Он стоял на краю слегка вытянутой поляны, окружённой густым лесом. Оставалось только определиться, куда идти. Вилен вспомнил старый анекдот:

«— Слоны идут на север.

— Слоны идут на х\*р, а ваш Штирлиц живёт этажом выше!»

И решил выдвигаться на север. Лес напоминал тайгу, хотя таковой и не являлся, сосны соседствовали с рябинами, дубами, осинами, кедрами, лиственницами и ещё десятком видов деревьев, которые Ильич просто не смог опознать. Сплошная растительная «каша»,

словом. Да и ладно. Маленькая камера-пуговица, вделанная в камуфляж на левом плече, исправно зафиксировывает всё, пусть у Валеры потом голова пухнет.

Но, прежде чем двигаться в выбранном направлении, необходимо было сделать одну вещь. Вилен прошёл пятьдесят метров и нашёл то, что искал: небольшой дроид, что-то вроде маленького спутника, размером с баскетбольный мяч. Детали дроида оказались разбросанными на площади метра в два, следов вокруг было немного, и все они принадлежали крупному хищнику. Вот только следопытом Ильич оказался посредственным, и определить вид напавшего на дроид зверя он не смог. Впрочем, эти дроиды были довольно хрупкими. Вилен своими глазами видел, как в небольшой комнатке проводили испытания. Прототип из-за отказа управления врезался в стену на скорости пешехода и просто развалился на части. Так что ничего удивительного в гибели этого дроида разведчик не видел. Если его атаковало существо с приличным весом, то могло развалить такой хрупкий агрегат одним ударом. Ильич вынул из считывающего устройства противоударный жёсткий диск, «самую крепкую часть дроида», как шутил их создатель, и убрал в рюкзак. Оглядевшись и ничего опасного не обнаружив, Вилен перехватил поудобней автомат и бодро зашагал в избранном направлении.

Правый глаз зафиксировал движение, и разведчик быстро вскинул к плечу автомат, готовый выстрелить в любую секунду. «Хорошо, левый даже зажмуривать не надо», — подумал про себя Ильич. Дело в том, что вместо левого глаза у него был протез. Глаз он потерял десять лет назад, когда пуля снайпера срикошетила от асфальта. Вилену ещё повезло, на той грёбаной улице

он тогда оставил половину отделения. Вообще, в этой чертовой Чечне всё было через задницу. Вместо приказа «вперед» — приказ «стой», и наоборот. Вот и гибли молодые пацаны. А сколько из них культями асфальт подметают, никто и не считал... Для политиков боевые потери — это обычные цифры. Просто цифры, за каждой из которых — оборванная или искалеченная жизнь...

Вилен облегчено выпустил воздух, угрозы не было, просто какой-то небольшой зверёк качнул ветку, перекакивая на соседнее дерево. Он был здорово похож на белку — рыжеватый мех, вот только хвост... Вилен не сразу понял, что зверёк не только лапами уцепился за кору, гибкий хвост обвился вокруг толстой ветки, да и зубки у него были не хилыми. Саблезубую белку из мультфильма «Ледниковый период» — вот кого напоминал невиданный зверь. Вилен опустил ствол и медленно пошёл дальше. А что, если здесь только лес, и ничего больше?

Глянув вверх, Ильич отметил солнце, стоящее в зените. «Как странно,— подумал он,— я в пути около часа и стартовал ровно в одиннадцать утра. Выходит, что полдень здесь и полдень „там“ — в одно и то же время? Похоже, так»,— ответил Вилен сам себе и зашагал дальше.

Жизнь Ильича складывалась очень непросто. Вернувшись в двухтысячном с войны, старший сержант Вилен Ульянов начал пить. Пить по-чёрному. Докатился до того, что продал дедовские ордена. Дед, крепкий старик, разменявший восьмой десяток, осерчал и набил внуку морду. Набил страшно, сломал челюсть — в общем, отделал сержанта, командовавшего разведвзводом, как щенка. По уставу взводом должен был ко-



мандовать офицер, лейтенант, но «пиджак», который неведомо как оказался на этой должности, был самой настоящей тряпкой. Сам он ничего не мог, авторитета у подчиненных не имел, был тих и вежлив, а потому посылаем всеми, кому было не лень. К тому же вскоре летёха начал крепко бухать. На той войне пили многие, почти все, но — пили аккуратно. Тех, кто не знал меры, учили свои же, поскольку пьяный с оружием был опасней врага. Не надо считать, что на войне пьют от безысходности. Это правда, но — далеко не вся правда. Водка является отличным дезинфектором, а уж сколько дерьма солдатам и офицерам приходится сожрать благодаря государству, для которого каждый из них был просто «боевой единицей», легко заменимой, а потому не сильно дорогой... В общем, спиртное являлось просто лекарством, и психологическим — в том числе.

Поэтому «пиджака» заперли подальше, отобрали оружие и оставили в покое, а командир бригады, плюнув на субординацию, поставил на взвод молодого и перспективного сержанта, который и дело знал, и авторитет имел. Так Вилен стал офицером, не имея звезд. Видать, наследственное это. Все мужчины в семье Вилена были военными. Отец погиб в Афгане, вскоре после рождения сына, прадед был генералом на государевой службе, а дед — подполковником СМЕРШ, ловил в Отечественную диверсантов. Именно он, профессионально, со всем тщанием ветерана СМЕРШ, отделив внука, и открыл тому простую истину: либо ты живёшь, как человек, либо — подыхает, как животное.

С того вечера Вилен к спиртному больше не прикасался. Когда зажила челюсть, побрился, подстригся,

купил приличную одежду и пошёл искать работу. Это его едва не сломало. Оказалось, что никому не нужен одноглазый ветеран войны, о которой и вспоминать уже стало неловко. Вилен боялись, от него шарахались, как от убогого. Звали в милицию, но тут уже сам Вилен отказался. Проверять документы у «гостей», собирать пьяных по улицам и ездить на «бытовуху» — нет, это было не для него.

В итоге он перебрался в Москву и устроился охранником на небольшое частное производство. К счастью, проработал он там недолго. Не успел снова запить с тоски — повезло, его подобрал бывший одноклассник, с которым Вилен столкнулся в метро. Так Ильич оказался на должности охранника в НИИ экспериментальной физики. И вот уже почти пять лет числился начальником охраны.

И что теперь? А теперь — он у чёрта на рогах! То ли на другой планете, то ли в будущем... или вообще в параллельном мире. В принципе, без разницы, просто теперь он был очень далеко от Москвы. Погода прекрасная, небо голубое, судя по листве и траве, конец июня — начало июля. Всё зашибись, вот только... что-то вокруг не так.

Вилен замер, автомат снова смотрит стволом в ближайшие кусты. Там явно кто-то был, и уж точно — не белка.

Очень медленно раздвинулись ветки, и навстречу, мягко ступая по хвойному ковру, вышел Кот. Именно Кот с большой буквы. Вроде бы обычный, домашний, гладкошёрстный, вот только размером он был с матёрого волкодава и весил килограммов семьдесят.

На мгновение Вилен оцепенел, встретившись взглядом со зверем. Это вам не милая домашняя живо-

тинка — реальный хищник, на лапах выпущены пятисантиметровые когти, два клыка с указательный палец толщиной и примерно такой же длины. Кот тем временем плавно пошёл по кругу, огибая человека по самому краю и без того небольшой поляны.

Ильич медленно поворачивался следом, стараясь не разорвать зрительный контакт. Палец сам отщёлкнул переводчик огня на длинную очередь, но Кот так и не напал. Совершив полный круг, несколько мгновений зверь смотрел на человека, после чего одним гибким прыжком исчез в зарослях. Вилен ещё какое-то время наблюдал за кустами, пока ветки на них не перестали качаться.

— Блин, если здесь котики такие, то какие же тогда собачки? — громко и вслух сказал Вилен, отгоняя за поздалый страх. — А уж корову я и представить боюсь.

Как ни странно, звук собственного голоса снял напряжение. Но справиться с мощным выбросом адреналина не удалось. Вилен достал сигарету и закурил. Хотя и опасался, что запах дыма привлечёт сюда ещё каких-нибудь хищников. Только не настолько мирных. Но обошлось. Вилен сидел, прислонившись спиной к большому раскидистому дубу, который явно уже разменял сотню лет, а то и больше. Теперь под его кроной можно было укрыть от дождя дачный домик средних размеров. Часы на запястье показывали половину второго по времени родного мира. Здесь, судя по солнцу, было примерно столько же.

— Пора идти, — приказал он сам себе и поднялся на ноги, — ещё час шагаю, потом обед.

Вилен часто разговаривал сам с собой. Привычка опасная в некоторых ситуациях, но избавиться от неё не представлялось реальным. Приобретена она была

во время войны. Так сложились обстоятельства. Тогда Ильич почти четверо суток просидел в подвале одного разрушенного дома в компании нескольких убитых бойцов. Выбраться не было никакой возможности. Дом, в подвале которого он прятался, оказался в окружении боевиков, прямо посреди их укрепрайона. Четыре дня разговоров с самим собой. Боевиков вышибли, Ильича отправили в госпиталь с контузией.

Контузию вылечили, а привычка осталась.

— Ещё сотня метров, и нужно обедать,— решил Вилен.

Лес редел, почти не встречались громадные деревья, больше стало кустов. Иногда под ногами чавкала вода. Местность вокруг была довольно болотистая.

Выбрав самый сухой участок, Ильич устроился на привал. Вскрыл рацион для лётчиков, съел галеты с фаршем, разогретым на сухом горючем, запил водой из фляги. Отломил кусочек шоколадки. Да, эти сухпаи намного лучше тех, что им приходилось жрать в Чечне. На тушёнку с серыми макаронами, или, как солдаты их называли, шланги с мусором, он до сих пор без рвотного рефлекса смотреть не мог. То же, что находилось в зелёной пластиковой коробке, было, как минимум, вкусным. Выкурив сигарету, Ильич закопал отходы и, наметив направление, взял прежний темп. За три с половиной часа он отмахал ещё километров десять. Точнее мог бы сказать навигатор, но лезть в рюкзак за ним не хотелось. Прибор — новейшая армейская разработка, не навигатор в прямом смысле этого слова, а скорее шагомер — был связан с пуговицей-камерой, которая сканировала местность и отправляла данные на флеш-карту, где хитрая программа, в свою очередь, прилежно фиксировала маршрут, по-

путно составляя карту. В отсутствии орбитальных спутников — незаменимая вещь. В продвижении вперёд прибор помочь не мог, а вот вернуться назад — мог, и даже очень.

Неожиданно лес закончился. Вилен замер, глядя на открытое пространство шириной не более двадцати метров, густо заросшее травой. Деревья остались позади, последнее время он пробирался по густому, заболоченному низкорослому осиннику. То, что перед ним железнодорожная насыпь, сомнения не вызывало. Да, она поросла травой и кустарником, но... ничем иным этот явно искусственный вал просто не мог быть. Вилен оказался прав, ржавые рельсы нашлись через минуту. Именно столько ему понадобилось, чтобы подняться наверх. Бывший разведчик посмотрел налево, затем направо, словно переходил дорогу. Теперь снова нужно было выбирать направление движения. И на этот раз очень важно не ошибиться. Ильич сильно надеялся, что он сейчас стоит не на Транссибе, где можно было идти днями и так и не дойти до станции.

Как и любой среднестатистический мужик, Вилен пошёл налево. По насыпи шагать было гораздо приятней, чем по лесу. Хоть и не тайга, где двигаться по прямой в принципе нереально, но всё равно по лесу получалось двигаться намного медленней, чем по нормальной дороге.

За следующие три часа пути Ильич понял только одно — людей здесь не было очень давно.

Первая находка ожидала его примерно через одиннадцать километров. На путях стоял целый поезд. Вернее, не совсем целый... Товарняк явно простоял здесь очень долго. Судя по тому как проржавел металл, с момента его последней остановки прошло не менее два-

дцати лет. А то и больше. И встал здесь поезд не случайно. Кто-то сначала подорвал пути, а затем разграбил эшелон. Вилен заглянул в один из вагонов. Пусто. То, что состав шёл не порожняком, не вызывало никаких сомнений. Там, где когда-то были замки, зияли большие дыры, обрамлённые пулевыми отверстиями.

Возле одной из таких дыр Вилен остановился и пошарил в траве. Пять минут хватило, чтобы подтвердить его догадку. На ладони лежала насквозь проржавевшая гильза калибра 7,62. Выглядела она так, словно кто-то из следопытов выкопал её на поле брани Второй мировой. Вот только в родном мире Ильича с момента окончания той войны прошло уже более шестидесяти лет. Получалось, что этому «месту преступления» было примерно столько же лет? Однако...

Вилен озадаченно pokrutil головой.

— Интересно,— он снова начал рассуждать вслух,— когда гильза лежит в земле и на открытом воздухе, есть ли разница в уровне коррозии?

Впрочем, ответа он всё равно не знал. Положив гильзу в карман, Ильич двинулся дальше. Обойдя состав по кругу, вернулся к локомотиву. Наиболее странным было даже не то, что кто-то много лет назад подорвал поезд, а сам локомотив. Это был старый паровоз, из тех, что приводили в движение с помощью парового котла, закидывая в давно уже остывшую топку дрова и уголь. Вагонетка с дровами была подцеплена следом за локомотивом. При этом вагоны выглядели довольно современными, во всяком случае, такие Вилен часто видел на привычной ему железной дороге в родном мире. А паровоз — словно из кинохроники времён Второй мировой.

В остальном картина происшествия была ясной как божий день. Когда состав остановился, успев затормозить буквально в нескольких метрах от развороченных взрывом рельс, произошла быстрая огневая стычка. Вся кабина машиниста напоминала решето, а весь пол усыпан гильзами — не меньше двух магазинов. Следовательно, поездная бригада без боя не сдалась, и по нападавшим тоже стреляли. Останки машиниста лежали у дальней стены кабины. Выбеленные временем кости, обтянутые железнодорожной формой. Вернее, частью формы. Полусгнивший китель, прошитый на груди очередью, а вот штаны и ботинки отсутствовали. Помощника машиниста, который, предположительно, должен был входить в состав бригады, видно нигде не было.

Вилен несколько минут размышлял над этой загадкой. Что же такое должно было произойти в стране, чтобы кто-то не поленился снять штаны и ботинки с трупа? Ответа не было. Равно как не было и ответа на другой вопрос: куда смотрела власть, когда неизвестные мародёры вот так запросто подрывали пути и захватывали состав? Ведь поезд — это не микроавтобус, его исчезновение не спрячешь. Если уж ты посылаешь железнодорожный состав в зону боевых действий, то будь добр, организуй охранение.

Тут парня осенила внезапная догадка. Выскочив из локомотива, он взобрался на обычную грузовую платформу, прицепленную следом за тендером. Точно, здесь охранение и было. Как минимум — один тяжёлый станковый пулемёт и несколько автоматчиков, которые ехали в деревянной будке. Всё дно платформы было усеяно гильзами, как от легкого стрелкового, так и от тяжёлых пулемётов. Да, точно, пулемётов было два: один калибра 12,7 и второй — 14,5, типа КПВ.